

Анатолий Ехалов
За северным ветром

Нескучные беседы о земле, о воле и крестьянской доле



Анатолий Ехалов
За северным ветром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23589355

ISBN 9785448393228

Аннотация

Нескучные беседы о земле, о воле и крестьянской доле с Геннадием Горбуновым, человеком, который гармонизирует деревенскую жизнь

Содержание

ЗА СЕВЕРНЫМ ВЕТРОМ	5
По Увалам на Восток	6
Амстердам – Кич-Городок	12
Рай на Северных Увалах	16
В страну Муравию	19
Осталось хмель посадить	25
Эпоха папы Толи	30
По волокам	33
Так кто же был кукурузником?	36
По минным полям	40
«Кадры решают все»	42
Никольский таракан	50
Год за три	52
Не бахваль!	59
По всем направлениям	62
Депутат Никольщины	64
Горбунов тот, кто гармонизирует деревню	72
День кипучий	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

**За северным ветром
О земле, о воле
и крестьянской
доле. Не скучные
беседы с хранителями
русских деревень**

Анатолий Ехалов

© Анатолий Ехалов, 2017

ISBN 978-5-4483-9322-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анатолий Ехалов

ЗА СЕВЕРНЫМ ВЕТРОМ



**Нескучные беседы о земле, о воле и
крестьянской доле с Геннадием Горбуновым,
человеком, который гармонизирует
деревенский мир**

По Увалам на Восток

Более унылой осенней поры я, кажется, не помнил. На стареньком, громыхающем кузовом грузовичке пересекали мы в конце октября по отрогам Северных Увалов Вологодчину, пробираясь под самую застреху ее на северо-восток в Никольск.

Дорога была пустынна. Лишь изредка пролетал тяжело КамАЗ, груженный дачными срубами для Москвы, и снова тишина. Ни привычных для этой поры хлебных караванов, ни тракторов с трестой, ни машин с товарами для сельской глубинки.

Угрюмые, промокшие до мозга костей, разрушенные наполовину деревушки, в которых и жизни, казалось, уже не теплилось. И тяжелые хлеба по обочинам, не тронутые жаткой хлеба, куда ни кинь взгляд... Не хватало техники, не было горючего, запчастей... Да еще это небо, темным брюхом осевшее на пропитанную холодной влагой землю...

Унылая пора... Что впереди? Бескормица? Бесхлебье? Мор и глад? Конец тысячелетней России, конец бытия...

Но вот на склоне дня мелькнуло видение: на задворках деревеньки старушонка ручной косой валит овес. И что-то колыхнулось в душе, и я начинаю вслух размышлять том, что уныние – это один из смертных грехов.

Скоро сама дорога отвлекает нас от тягостных дум. Где-

то уже в темноте за Рослятиным кончается асфальт (ох, уж эти коммунисты, не успели достроить каких-то двадцать-тридцать километров дороги на восток), и мы погружаемся в жидкое месиво грунтовок. Каким-то чудом машина продолжает двигаться, видимо, сама отыскивая колею, темень сгущается, и становится жутковато. Однако впереди мы обнаруживаем по огням таких же ночных бродяг и через полчаса пристраиваемся в хвост колонне леспромхозовских тягачей.

Под утро, измученные и грязные, мы выбираемся на асфальт и останавливаемся подремать.

...Кажется, прошло всего мгновение, а уже серый рассвет нехотя растекается из-за лесных увалов. Сыро, промозгло... Надо ехать.

Какая благодать лететь километров этак под восемьдесят, чувствуя под колесами уверенную твердь! Светлеет горизонт, и на сердце светлеет.

Где-то за Подболотьем видим на дороге женщину, глухо закутанную в платок. Она несмело поднимает руку.

Перевозить двоих пассажиров в «газике» не положено, но что поделаешь – наверное не зря поднялась эта женщина в такую рань.

Мы ужимаемся в кабине, и пожилая женщина, стесняясь причиненного неудобства, сырости, которую она принесла в кабину, раскаянно молит простить ее, «непутевую».

– Сегодня в пять утра из дома вышла, вот все иду. Иззяб-

ла. Шесть машин прошло – ни одна не посадила.

– А куда идете в такую непогоду? – спросил я.

– На богомолье, милые, иду, да ноги худые стали, не несут меня, грешную. Пятнадцать километров прошла, а еще до Аргунова семнадцать осталось. Не осилить, не успеть.

И она опять принялась извиняться.

– Вы лучше расскажите, кто Вы и зачем вам нужно такие муки принимать? – стали спрашивать мы.

Женщина оправила платок, посветлела лицом.

– Лежала я с одной женщиной в больнице, и рассказала она, что в их краях есть святое место – раньше церковь была, потом ее уничтожили, а люди все равно ходят и молятся. И такой силой чудотворной то место обладает, что многих излечивает от болезней неизлечимых, – она вздохнула, переменялась. – А наш-то Рослятинский край – безбожный, все, что было святого, порушено. Люди про Бога забыли, себя забыли. В грехе-то, прости Господи, как свиньи в грязи. Работать негде, да и невыгодно, не платят ничего.

А тут вот в Рослятино китайцев прислали, аж сто пятьдесят человек. Больницу строить. Китайцы работают, а свои без дела слоняются.

– Нельзя к вам в Рослятино китайцев, – сказал я. – С китайцами никто не может соревноваться. Китаец работает по двадцать часов, спит там, где работает, а еды ему на день – чашки риса хватит. Да и плодятся они, как саранча. Через десять лет ваш край из русского в китайский превратится.

– Ваша правда, – отвечала покорно женщина. Потом встрепенулась. – Наши мужики и так уж между собой говорят: «Будя вилами придется переколоть».

Прости меня, Господи, грешную... Рассказывать тошно. Вот я и решила в Аргуново, на Бор идти, поклониться святым местам да у Бога прощения за всех попросить.

...Вскоре мы подъезжали к Аргунову. Машина взобра-лась на крутой угор, и взору открылась удивительная панора-ма. Неожиданно сквозь тяжеленные тучи прорвалось солнце, озарив холмы и долины. От всех деревень проселками, троп-ками, большим бетонным трактом стекались люди к небольшо-му холму с кладбищем и сосновым бором на вершине. Весь этот холм был заполнен такими вот старушками да ред-кими среди них стариками.

Радостно пестрели женские платки, слышно было пение псалмов, в центре толпы священник в праздничном облаче-нии размахивал кадилом.

Мы простились сердечно с попутчицей, и она всем суще-ством своим устремилась туда, где народ возносил молитву своему Творцу.

Я обратил внимание: на соседнем холме в Аргунове сто-яла большая, хорошо сохранившаяся церковь. Но не было у нее праздничного народа, а на крестах ее хрипло граяли вороны.

Я помнил историю этого места. Когда-то давно здесь сто-яла священная роща, и росла родовая сосна, которым покло-

нялись наши предки, не знавшие еще христианства. Потом рядом с ней выросла церковь.

Священники рассказывают, что лет триста с небольшим назад в местечке Борок Никольского уезда Вологодской губернии в сосновом бору, явилась на дереве икона Рождества Божией Матери. На месте явления её был сооружён храм, который, впоследствии, и был взорван. Но люди стали ходить к священной сосне.

Советская власть всевозможными способами боролась с продолжавшимся почитанием святого места на Борке возле аргуновской деревни Чернцово. В праздник Тихвинской иконы Божией Матери на всех дорогах, ведущих к Борку, патрули задерживали верующих, сажали в машины и отвозили в сельсовет.

На самом Борке, на соснах, устанавливали громкоговорители и включали музыку. Дорожку, по которой, по сложившейся традиции, на коленях богомольцы обходили вокруг разрушенной церкви, обливали мазутом.

Потом спилили сосну, взорвали пень этой гигантской сосны, щепки ее разнесло на десятки метров. Люди разобрали эти щепки и разнесли по домам. Говорят, они сохранили свои чудодейственные свойства до сих пор.

А что же Аргуново и окрестные деревни, как складывалась их судьба?

В советское время в деревне располагалось правление колхоза «Счастливый путь», были построены почта, клуб,

столовая, механизированный парк, магазины, новая больница, новая школа, в церкви расположили хлебозавод и склады. В одном из экспроприированных купеческих домов расположили библиотеку, в другом оборудовали маслозавод. На окраине построен новый маслозавод, асфальтировали дороги.

Но тут грохнул девяносто первый. После развала СССР колхоз расформировали, маслозавод закрыли, колхозные земли запустели, хлебозавод закрыли, народ разъезжается кто куда.

С 1990 года весь Аргуновский край был практически уничтожен, как и большинство наших деревень, и по сей день оставляет жалкое зрелище...

Что же делать? Остается только уповать на помощь чудотворной иконы Божьей Матери. Хотя русская народная поговорка говорит: «На Бога надейся, а сам не плошай!»

...Я рассказал своему напарнику эту историю, и мы долго молчали. Потом он философски заметил:

– Гитлер тоже думал, что он за две недели завоюет Россию.

– А Наполеон не предполагал, что закончит жизнь на острове Святой Елены, – подхватил я.

Товарищ прибавил газу. Разрушенная, униженная Россия лежала по сторонам. Но уже не было в душе прежнего уныния. До Никольска оставалось километров сорок. До Кич-Городка – 100, До Шарьи – 160, до Великого Устюга – 220.

Амстердам – Кич-Городок

Про Кич-Городок скажу особо. Здесь когда-то делали лучшую в стране краковскую колбасу.

И сегодня городецкая колбаса не хуже прежней, хотя сельское хозяйство вместе с переработкой переживает не лучшие, мягко говоря, времена.

Более того, сам комбинат день ото дня перестраивался и модернизировался. Этот неожиданный подъем мясокомбината связывали с именем его директора, энергичной и предприимчивой женщины Нины Степановны Поповой.

О ее предприимчивости легенды ходят. Например, она умудрилась заключить контракт на поставку в Голландию коровьих шкур, которые наши несчастные крестьяне вынуждены были или сжигать, или в землю закапывать. А вот Голландия на наши шкуры клюнула, причем договор был составлен так, что голландцы опрометчиво обязались взять эти шкуры самовывозом.

И вот там, в стране тюльпанов и намытых шампунями автострад, вызывает глава фирмы тракера, по нашему дальнобойщика, и ставит перед ним задачу вывезти из России с Северных Увалов ценное сырье.

До Вологды голландский дальнобойщик добрался относительно благополучно. Но когда узнал, что до этого самого Городка еще пятьсот верст, на душе у него стало нехорошо.

И вот едет он сотню километров, вторую... и пейзаж не меняется. Едет третью, четвертую... Одни елки и снег. И никаких тебе супермаркетов, заправочных станций, кемпингов, где можно принять горячую ванну, выпить чашечку кофе... И что самое страшное: ни одной телефонной будки, откуда можно было бы позвонить на родину или вызвать с ближайшей станции ТО помощь. Случись чего!

И, конечно же, случилось. Где-то между Бабушкинским и Никольским районами, там, где начинаются отроги Северных Увалов, где такие спуски, что дух захватывает, понесло голландскую фуру по наледи и все эта огромная махина улетела посреди оцепеневшей от мороза тайги в глубокий кювет.



И вот ночь, мороженые звезды по кулаку, тайга, снег по пояс... И ни встречного, ни попутного транспорта... Надо представить себе весь ужас простодушного голландца, к тому же не знавшего по-русски ни слова.

Это уже отдельная тема, как нашел голландец по огонькам заснеженный скотный двор, как отогревался у водогрейного котла, как вытаскивали его колхозные трактористы из кювета... Наш рассказ не о том.

Какое-то время спустя в Голландию с ответным визитом была приглашена предприимчивая Нина Степановна. И вот

прибывает она в страну тюльпанов и намытых шампунями автострад, и везут ее прямым ходом в центральный офис фирмы, распахивают дверь совета директоров и все, кто там был, дружно встают. И тут подходит к ней глава фирмы обнимает и плачет самым искренним образом.

– Скажите, в чем дело? – тревожно спрашивает Попова. – Может быть, пока я добиралась сюда, сгорел наш комбинат, а может быть в России умер президент?

– Нет, – отвечает глава фирмы. – Я плачу не потому. Я знаю большее. Наш водитель все рассказал. Он сказал, что побывал в аду, а вы там живете да еще и работаете...

Рай на Северных Увалах

Этот голландский предприниматель был недалек от истины. Западные аграрии красят нашу территорию в белый цвет, где не возможно, по их мнению, ведение сельского хозяйства, поскольку здесь отрицательная среднегодовая температура. Да, мы живем в суровых условиях. Нам все дается большим трудом и усилиями. И человеку, приехавшему из Голландии, наши условия могут показаться хуже адских...

Однако на протяжении столетий и тысячелетий наш северный русский крестьянин создал такую культуру, которая опозитивизировала, сделала привлекательным и желанным этот тяжелый труд.

Откройте календарь земледельца и вы увидите, что в нем нет практически ни одного дня, не украшенного каким-либо праздником, обрядом, традицией...

Здесь, я думаю, нужно обратиться к работам знаменитого ученого, искусствоведа Светланы Жарниковой.

«Еще в 19 веке, – пишет она, – отроги Северных Увалов, которые проходят по территории Вологодского, Грязовецкого, Тотемского, Бабушкинского и Никольского районов, в официальных документах именовали Урало-Алаунской грядой или Шамохинскими и даже Шамаханскими горами.

Обитателей этих мест Клавдий Птолемей, древний географ, живший во втором веке н.э., называл алаунскими скифами, алаунянами».

Вряд ли николевские крестьяне, именовавшие свои водораздельные холмы Алаунскими горами, читали Птолемея. Или были знакомы с историей Северного Кавказа, чтобы поименовать опять же свои холмы Шамаханскими по названию бывшего некогда там Шамаханского княжества.

Мы можем утверждать определённо, что именно северо-восточноевропейские Шемахинские (Шемаханские) горы первичны, а кавказская «Шемаха» – вторична.

Доказательством тому является также широкая распространённость названий такого типа по всей протяжённости северо-восточноевропейских возвышенностей.

И поскольку мы неоднократно убеждались в полной правомочности использования санскрита для объяснения географических названий Русского Севера, то используя его, получаем:

«ша» на санскрите – это «вечный покой», «рай», «счастье»;

акс – достигать, наполнять, проникать, глаз;

«шама» – «спокойствие, мир, владение чувствами».

В этом контексте имеет смысл припомнить, что в древнеиндийской традиции утверждалось, что при сотворении мира самыми первыми были созданы хребты Меру, протянувшиеся по всему северу Земли с запада на восток, а все

остальные горы Земли выросли из них.

А так как уже в глубокой индоиранской древности утвердилось, что за этими «изначальными горами» находится «обитель Света» и «место спасения душ», неудивительны и такие названия как:

«Шамокша» от «ша» – «рай, покой» и «мокша» – «спасение, примирение, освобождение души», «Шемокса» – «божественные небо и земля, освобождающие душу».

И нам нельзя отмахиваться от этой точки зрения, сколько бы ни была она для нас неожиданной. Нельзя, потому что это наша родина.

А вот и еще удивительные намеки на величие Алаунских гор – Северных Увалов. Это в соседнем с Никольским Вохомском районе, но уже Костромской области, две соседние деревни носят названия Рай и Иерусалим. А рядом с Никольском будет деревня Ирданово...

В страну Муравию

– Опять в Никольск? – удивлялись друзья. – Так ведь туда даже вороны не летают.

– Зато там такое пиво варят! Такие там грузди! Там настоящая Россия.

Никольск – самая, что ни на есть глубинка, каких немало по всему Русскому Северу. Словно ласточкино гнездо, прилепился район к восточному карнизу обширного вологодского дома, далекий от больших дорог и развитого в сельскохозяйственном и промышленном отношении центра.



Многие годы на восток области – в Никольск да соседний с ним Кичменгский Городок, можно было попасть только весной в паводок по реке Юг. Это грандиозное мероприятие так и называлось: «Операция Юг».

Караваны судов Сухонского речного пароходства, еще льдины плыли по реке, уже везли сюда за восемьсот километров речных излучин технику, удобрения, продовольствие, товары повседневного спроса вплоть до иголок.

В Никольске и Городке поджидали на берегах эти караваны бригады самодеятельных грузчиков. За несколько дней

тут можно было заработать столько, что за полгода не осилить.

В Никольске шутили: нам бы еще дров колотых да сена в кипах привезли, тогда бы у нас не жизнь, а рай был.

Капитаны сухогрузов спешили: велика была вероятность остаться до следующей весны на югских отмелях.

Руководили операцией первые лица области и сам начальник пароходства, который выезжал на собственном быстром катере в Никольск. Это был тяжелый, но радостный труд. Праздник. А раз праздник, то не обходилось и без застоля.

Однажды часть судов осталась летовать и зимовать, дожидаясь следующего весеннего паводка, на реке Юг. По этому поводу пели частушки в адрес незадачливых руководителей пароходства:

«Трошкин шпарит на гармошке,
Драйцун пляшет гопака.
Посадили флот на Юге
Два веселых чудака...»

Труден был путь для технического прогресса в эти края. Бывшие передовыми в 30—40 годы, когда уровень производства определялся лишь прилежностью рабочих рук и наличием тягловой силы – лошадей, Кич-Городок и Никольск позже растеряли свои позиции по производству молока, мяса, льна. А лен и вовсе исчез с полей в девяностые годы. Более того, был закрыт даже Красавинский льнокомбинат, по-

строенный специально для переработки знаменитых югских длиноволокнистых льнов Кич-Городка и Никольска.

...Листаю ломкие, пожелтевшие страницы районных газет за 1935 год. И встают перед глазами драматические свидетельства прошлых сельскохозяйственных битв.

Вот первый номер года. Заголовочные глаголы в повелительном наклонении, кричащие лозунги, рубленый текст: «Районный съезд Советов считает, что мы с вами недостаточно мобилизовали колхозников на борьбу за высокосортный лен, за четкое выполнение обязательств, что является первой причиной отставания нашего района в выполнении планов льнозаготовок.

Вторая и основная причина состоит в том, что не сумели организовать сдачу и обработку льна, забыли указания нашего любимого вождя товарища Сталина...»

И далее: «...немедленно ликвидировать отставание, в ближайшие дни обработать и сдать лен на склады пролетарского государства. Работать день и ночь, использовать все механизмы, развернуть социалистическое соревнование, повысить производительность труда».

А вот еще маленькая приписка, скромно притулившаяся в конце кричащих лозунгов: «Распределять продтовары (хлеб, муку, сахар, рыбу, масло и т. д.) только по льнотрудо дням, не выполнивших нормы отдавать под суд, и, наверняка, победа будет одержана».

Последняя из этих мер и сегодня вызывает чувство лег-

кого испуга. Но жизнь доказала, что угрозы – не метод хозяйствования, административный кнут лишь отторгает человека от земли, а вот принцип распределения по труду мог и должен был стать основой колхозной демократии и главной движущей силой.

Об этом секретаре из Никольска в прежние годы рассказывали легенды. Будто бы, приезжая в Вологду на совещания, он громогласно объявлял: «Революционный Восток прибыл!» Это его революционными стараниями, будто бы, на Борке под Аргуновым и была взорвана церковь и спилена родовая сосна.

Приверженец Хрущевских реформ, он нанес сельскому хозяйству Востока невосполнимый урон. В конце пятидесятых его избрали депутатом Верховного Совета СССР. И вот в благодарность за это, район выступил инициатором сокращения приусадебных участков у колхозников. Идея принадлежала Н. С. Хрущеву. Он считал, что крестьяне слишком много времени и сил отдают работе на своих огородах, вместо того, чтобы отдать их общественному производству.

Никольчане под давлением партийных органов первые обрезают свои огороды на половину. Общественное производство не выросло, а вот из района начался исход колхозников, которые под любым предлогом старались покинуть деревню. Особенно в кадрах тогда нуждался Крым. Переселенцев брали без паспортов, давали подъемные, жилье. В итоге, я сам был свидетелем: многие крымчане на селе говорят на кру-

тое вологодское «О». А последствия этой акции до сих пор аукаются в обезлюдевших деревнях и селах востока нашей области.

А реформы и приватизация в девяностых, казалось бы, принесли в восточные деревни полную разруху.

И вот я еду на встречу со сказкой. Еду в страну Муравию к потомственному крестьянину Геннадию Александровичу Горбунову, который сумел-таки в этой глуши создать уникальное комплексное сельскохозяйственное предприятие, которое может сегодня дать фору многим сельхозпроизводствам Запада.

Осталось хмель посадить

Говорят, что в 19 веке главной статьёй доходов в Никольском уезде был... хмель. Так, по крайней мере, рассказывали мне старожилы этого отдаленного от центров городка.

Поражаешься былому величию никольских деревень.

Одна по за одной идут они по водораздельным холмам по пятьдесят, сто и более домов.

А какие дома строили наши предки! Двухэтажные, с огромными подворьями. Значит, было на что, значит экономика в восемнадцатом, девятнадцатом веках здесь процветала. Чем же жили наши предки в этой глубинке?



А был ли глубинкой в те поры Никольск? Стоит лишь поглядеть на карту и тут же тебя осеняет мысль: эта территория, лежащая на водораздельных холмах, обладала выгоднейшим географическим положением. Если учесть, что в прежние времена для наших предков дорогами были реки, то с правого склона холмов никольчане со своим товаром за три-четыре дня попадали в Волгу, а далее в Каспий, а с левого – в Двину и Белое море.

Недаром звались эти места Заволочьем... На границе Бабушкинского и Никольского района есть болото Мостовиц-

кое. Легенда гласит, что на этом болоте скрыта во мхах ладья с золотом. Казалось бы, откуда в болоте взяться ладье да еще с золотом?

Нет дыма без огня. Это болото еще недавно было озером, из которого вытекали две реки: Вотча, несущая воды в Северодвинский бассейн, и Мостоватка, текущая в Волжский бассейн. Здесь был древний волок, и по нему действительно текли большие деньги, поскольку предки, обитавшие на Увалах, добывали в больших объемах соль, ценившуюся прежде на вес золота.

Но я хотел добавить к этому благополучию подпитку Сибири.

Известно, что в этих краях не было крепостного права. Общины были настолько сильны, что не дали себя закрепостить.

И вот мужское населения востока нашей области уже в пятнадцатом-шестнадцатом веках начало торить дороги в Сибирь. Охотничьи ватаги в 30—40 человек уходили за Урал по первому снегу и возвращались к весне, увешанные связками соболиных шкур, которые ценились в России очень высоко. Охотнику в восемнадцатом веке перекупщики платили по 2 рубля за соболя. А в Москве стоимость его могла доходить до 200 рублей. Известно, что казак в Сибири получал 5 рублей за год службы. Понятно, откуда богатство николевских крестьян.

Так, за соболиным хвостом, писал Сергей Марков, иссле-

дователь подвигов русских землепроходцев, русский мужик добежал до Тихого океана. А там уже и океан переплыл.

Во второй половине XX века главной статьей дохода никольчан были лен и лес. Ради знаменитых длиноволокнистых льнов был построен в городе Красавине современный льнокомбинат, ныне закрытый. А для вывоза леса и связи никольчан с миром прокладывалась широкая железнодорожная колея от Вохтоги, строительство которой остановилось всего в нескольких километрах от Борка. (Это уже другой Борок – крупный поселок лесозаготовителей в Кеме).

В конце девяностых, начале двухтысячных экономика Никольщины настолько упала, что казалось, на всех конторах и управлениях, дворах и гаражах впору заколотить крест на крест окна и двери и написать: «все ушли на фронт».

И вдруг долгожданный и между тем неожиданный расцвет. Пока лишь в одном хозяйстве, бывшем колхозе, а ныне закрытом акционерном обществе «Агрофирма имени Павлова». Имени Героя Советского Союза Василия Михайловича Павлова.

Невероятно, но надои здесь свыше восьми тысяч литров, почти в четыре-пять раз выше, чем это было в восьмидесятых, еще благополучных.

Ежедневные надои за 20 тонн молока, свой маслозавод, свой хлебозавод, свое зерно, свое мясо, свои магазины, кафе, свой банк, свои пасеки, свой лес, свои рыбноводческое и охотничье хозяйства, оздоровительный центр, базы отды-

ха, газета... Не достает пока льна и хмеля...

А качество молочных продуктов таково, что европейские ценители готовы закупать все, что здесь производится.

Однако, генеральный директор «Агрофирмы имени Павлова» Г. А. Горбунов твердо убежден, что прежде всего нужно наполнить свой рынок.

Выходит, и наш собственный крестьянин может в условиях среднегодовой отрицательной температуры не только конкурировать, но и превосходить западное сельское хозяйство. И верно, каждое хозяйство, существующее или уже загубленное, способно воскреснуть, как птица феникс и стать желанной «Страной Муравией», о которой мечтало столько поколений русских крестьян.

Говорят, люди делятся на созидателей и разрушителей. И, рассказывая о Никольском районе, нельзя не вспомнить тех, кто отдавал не жалея силы на развитие его.

Эпоха папы Толи

...Хмурым сентябрьским утром на полупустынный перрон вологодского вокзала ступил из вагона скорого московского поезда высокий плечистый мужчина средних лет. Его встречали. Несколько человек в начальственных шляпах шагнули на встречу. Один из них, протягивая руку, представился:

– Милов – первый секретарь Вологодского обкома партии. Пока еще первый!

– Дрыгин! – отвечал на рукопожатие приезжий. – Бывший второй секретарь Ленинградского обкома партии.

Эта встреча на утреннем перроне была для Вологодчины, можно сказать, поворотной. Человек, вступивший на вологодскую землю, задержится на ней на двадцать пять лет и круто повернет ее судьбу. Хотя у этой встречи была своя предыстория.

17 сентября 1961 года в Кремле шло рядовое заседание Политбюро, на котором слушали кандидатов на различные государственные и партийные посты. На трибуне с докладом о подъеме сельского хозяйства Ленинградской области, все еще не оправившейся от оккупации, выступал второй секретарь Ленинградского обкома КПСС Дрыгин, которого рекомендовали на должность председателя Ленинградского облисполкома. Хрущев слушал в пол уха, перелистывая газету

«Советская Россия». Но вот его внимание привлекла статья «Вологодское разнотравье», где корреспондент резко критиковал сельское хозяйство Вологодчины, которое по надоям, урожайности, поголовью скота опустилось ниже довоенного уровня.

Статья была хлесткая, и Хрущев не на шутку рассердился.

– Надо менять в Вологде первого! – повернулся он к своим помощникам.

– Никита Сергеевич! Еще и года не прошло, как сменили. Рано ожидать результатов.

Но Хрущева понесло. Действительно, недавно избранный первым секретарем Вологодского обкома Милов был специалистом в лесной промышленности, сельского хозяйства не знал и за год руководства областью не сумел, да и не мог решить проблемы, копившиеся десятилетиями.

– Менять! – отрубил Хрущев.

– Так ведь и заменить нечем!

– А вот вам первый секретарь для Вологодчины, – и Хрущев указал на возвышающуюся утесом над трибуной фигуру Дрыгина.

Возникла тягучая пауза. И только ничего не подозревающий Дрыгин продолжал излагать план переустройства сельского хозяйства Ленинградской области.



По волокам

...После первых морозов и снегопадов по установившимся зимникам отправляла Вологодчина своих посланцев для знакомства с новым руководителем области.

Что представляла тогда область? Отрезанные от мира ужасным бездорожьём восточные районы: Никольск, Кич-Городок, Великий Устюг, куда только в весенний паводок можно было забросить жизненно необходимые грузы судами; запад с Вашками, Белозерском и Вытегрой при практически полном отсутствии дорог; север с Верховажьем и Тарногой, куда ни пассажирского, ни товарного...

От Никольска до Вологды 450 километров. При нынешних дорогах пять-шесть часов езды. А сорок лет назад... Сорок лет назад на заседание партхозактива в Вологду снаряжались, как на Северный полюс. Гусеничный трактор, тракторные дровни, на которых сооружался деревянный фургон с печкой для обогрева и приготовления пищи, с окнами и спальными местами на соломе. Для сопровождения делегации выделялся второй трактор, который тащил горючее для первого. Трактористы одевали ватные штаны, валенки с калошами, шубные рукавицы, разжигали в холодных, продуваемых морозными ветрами кабинах примусы для тепла. И в путь...

Такой обоз добирался до Вологды едва ли не неделю. Кро-

ме партийных и хозяйственных руководителей, ехали в фургоне и простые люди: кто в больницу на операцию, кто по делам в город, кто на свадьбу с непременною гармошкой. Народу набивалось, что сельдей в бочку...

И сколько таких районных сел и городков отправляли тогда в Вологду на партийно-хозяйственный актив своих посланцев, чтобы те воочию увидели нового хозяина области. А новый хозяин уже с первых шагов своих на Вологодчине вызвал столько противоречивых толков и пересудов...

Известно было, что новый секретарь характер имеет прямой, жесткий, прошел войну, причем начал ее командиром взвода, а закончил командиром полка. Кто-то рассказывал, что самолично читал в газете заметку про то, как младший лейтенант Дрыгин в рукопашном бою один уничтожил девять фашистов, и что лучше его не доводить до кипения...

Трещат трактора посереде заиндевевшей морозной Вологодчины, медленно пробираясь заснеженными полями и лесами мимо тихо дремлющих, убаюканных метелями деревень, освещенных пока лишь керосиновыми лампами, мимо убогих скотных дворов, крытых соломой, мимо обезглавленных церквушек, превращенных в тракторные мастерские...

Потрескивают дрова в печурке, пофыркивает чайник, гармошка выводит незатейливый перебор... Сколько было в этих кибитках за неделю пути рассказано анекдотов, историй и баек, сколько было выпито водки и спето песен. Вот где формировался народный эпос и фольклор... Вот где рожда-

лись легенды и предания двадцатого века... Дорого бы я сегодня дал, чтобы вот так проехать в тракторных санях от, скажем, Никольска до Вологды и обратно.

Так кто же был кукурузником?

...Летом 1962 года Хрущев возвращался правительственным поездом из Архангельска в Москву. Было условлено, что в Вологде поезд сделает остановку, и Никита Сергеевич встретится с первыми лицами области.

Поезд приходил в шесть утра, и на холодном перроне за час до него выстроились пионеры с барабанами и горнами, руководители города и области. Шел мелкий холодный дождь. И вообще лето шестьдесят второго было чрезвычайно холодным. И, видимо поэтому, кукуруза на полях никак не хотела расти. Хоть ты ее за уши тащи! А Москва требовала едва ли не ежедневных победных реляций с кукурузных фронтов...

Накануне приезда Хрущева Дрыгин, возвращаясь с загородной дачи, заехал на учебно-опытные поля Молочного института. Было пять часов утра. На кукурузном поле споро работали трактора, запахивая «царицу полей», которая к августу едва ли поднялась сантиметров на пятьдесят. На краю поля стоял молодой кучерявый агроном и с явным удовлетворением наблюдал за работой тракторов.

Шофер Дрыгина подошел к нему:

– С Вами хочет говорить первый секретарь!

Молодой агроном ничуть не смутился и смело шагнул навстречу нахмуренному секретарю.

– Вы что это делаете? – грозно спросил Дрыгин.

– Запахиваем кукурузу под озимые! – отвечал агроном. –

Не выросла, как ни бились, как ни ухаживали, ни подкармливали. Жалко трудов. Не по нашему теплу эта культура!

Дрыгин нахмурился еще больше, прошелся вдоль поля, сорвал несколько стеблей.

– Эти-то вот получше будут, – показал молодому агроному.

– Тут у нас навозная куча была, земля на метр пропиталась жижей, да и то – какая это кукуруза! Слезы горькие.

Дрыгин ничего не ответил, сел в машину и укатил в город. ...Много позднее он расскажет молодому агроному Виктору Ардабьеву, ставшему к тому времени первым секретарем Никольского райкома партии, продолжение этой истории с кукурузой.

Правительственный поезд пришел без опозданий. На перрон вышли охранники, пионеры вскинули к небу горны, готовясь к встрече высокого гостя, начальство приосанилось, но Хрущев так и не появился. Ждали пять минут, десять... Хрущева не было. Над перроном повисло тягостное молчание. Тогда Дрыгин обратился к охранникам.

– Никита Сергеевич отдыхает, – отвечали те. – Он не выйдет.

– Но как же так? Его ждут! – возмутился Дрыгин.

– Повторяем. Он не выйдет.

– Тогда я пойду сам! Доложите!

Он раздвинул охрану и шагнул в вагон, уже набравший ход. Столь решительные действия Дрыгина возымели результат. Один из охранников скрылся в купе, и минутой спустя из него вышел заспанный Хрущев в полосатой пижаме, поигрывая подтяжками.

– Чего тебе Толя? Чего шумишь? – спросил он миролюбиво Дрыгина. – Медали и ордена я все в Архангельске раздал, деньги там же пропил. Нет у меня ничего.

В коридоре уже собирались помощники и сопровождающие Хрущева лица, с интересом наблюдавшие за этой сценой.

– Да я ничего и не прошу.

– Так чего же ты хочешь?

– Я должен со всей ответственностью заявить, – сказал, напрягаясь как перед атакой, Дрыгин, – что кукуруза у нас не растет и вряд ли будет расти. Холодно у нас для нее. Холодно.

– А вы что, еще и кукурузу у себя садите? – вдруг прищурился хитро Хрущев.

– Да как же, согласно партийному курсу, – отвечал простодушно Дрыгин. – Повсеместно!

– Нет, вы видели таких дураков, – захохотал вдруг Хрущев. – Они на Севере сдят кукурузу и еще жалуются, что она не растет. Вы бы ее еще на Полюсе посадили!

Дрыгин вышел из поезда в Грязовце и в тот же день распорядился запахать кукурузу повсеместно под озимые. Надо

сказать, что озимая рожь тогда выросла на диво. А из Москвы все шли и шли распоряжения отдавать под кукурузу лучшие земли. Не работа, а хождение по минному полю.

По минным полям

...А Дрыгин хаживал и по настоящим минным полям. Вместе со второй ударной армией Власова под Мясным Бором Дрыгин попал в окружение. Он командовал тогда взводом. Немцы били по ним со всех калибров, с земли и с воздуха. И вдруг среди этого крошечного ада наступило затишье. Прибежал вестовой с приказом явиться в штаб то ли полка, то ли дивизии. В лесу под соснами сидели за столом понурые офицеры.

– Принято решение, -объявил старший, – о сдаче армии в плен. Приказ обсуждению не подлежит.

Офицеры еще ниже опустили головы.

И тут Дрыгин взорвался: – Да вы что, такая мать! Охренели! Он выдал, казалось, все матюги, которые встречались ему в жизни и ударил кулаком по столу: – Лично я сдаваться не собираюсь!

Повисла напряженная тишина. Дрыгин повернулся и пошел прочь по направлению к линии фронта.

– Я ждал, что вот-вот раздастся выстрел в затылок, и все на этом будет кончено. Пять шагов. Десять. Нет выстрела. Двадцать...

И тут к Дрыгину стали примыкать разрозненные бойцы. Выстрел так и не прозвучал... И они ушли. Их, не согласных сдаваться в плен, становилось все больше и больше. Сто, две-

сти, пятьсот... Дрыгин принял командование на себя, сформировал взводы и роты, назначил командиров...

К Волхову их подошло уже более тысячи человек. Было тихо. Казалось, что фашистов нет и в помине. Только кружила над рекой немецкая рама-разведчик... С вечера стали готовить плавучие средства, а на рассвете в тумане начали переправу. И тут на них обрушился шквал огня... Из тысячи человек в живых осталось около семидесяти. Но эти семьдесят упорно шли к своим. И вышли...

Два месяца Дрыгина допрашивала контрразведка, шла проверка по всем каналам... Через два месяца ему вернули погоны и отправили на передовую...

«Кадры решают все»

Эта сталинская формулировка была для Дрыгина ключевой на протяжении всей вологодской командировки. Один из бывших партработников стал свидетелем телефонного разговора Анатолия Семеновича с молодым секретарем из Кириллова. Было это в начале шестидесятых.

– Все хоть там тебя слушают? – спрашивал он, видимо, уже имея какую-то информацию с места.

– Да есть тут один председатель колхоза неуправляемый. Не слушается. Спорит и возражает до тошноты.

– Так вот! – зарокотало в трубке. – Если он плохо работает, собери бюро и сними с работы. За неделю сними. Но если он хорошо работает, то собери бюро, собери актив и поезжайте все к нему учиться. И учитесь, да спасибо говорите за учебу.

...Сидим у костра в лесу под Тотьмой с лесником Павлом Шаровым. Случайная встреча. Напились чаю. И почему-то разговор коснулся Дрыгина. И вот это случайный встречный такую историю выдает:

– После окончания Молочного института меня назначили директором Тотемского маслозавода, – мой собеседник угли прутиком мешает в кострище. – Маслобойки размещались в обычных крестьянских избах. Тем не менее, масло получали высокого качества. Но как вывезти его? Район огром-

ный, дорог нет. И тут из Великого Устюга проездом побывал у нас начальник областного управления молочной промышленности Иван Петрович Толмачев. Поглядел он на наше хозяйство, пожал мне руку и заявил при всем коллективе, что из первой же пришедшей в область партии вездеходов Зил-157, одну машину он направит к нам в Тотьму.

Мы обрадовались, ждем. Но вот приходит разнарядка, а Тотьмы там нет. Я звоню Ивану Петровичу:

– Может ошибка какая закралась?

– Нет, никакой ошибки! Вам дадим машину в следующей партии.

А когда эта партия будет, Бог ее знает... А у нас продукция тоннами пропадает...

Я парень настырный был. Обидно стало. Лечу самолетом в Вологду – и к Толмачеву. Он меня из кабинета выгнал: «Не будет вам машины». Вышел я на улицу: куда идти, кому жаловаться? А перед глазами вывеска: «Обком партии». И решил я на обман. Захожу в вестибюль и... к милиционеру. Вот, говорю, прибыл на прием, вчера из райкома позвонили, говорят – должен быть у первого секретаря обкома в одиннадцать. Вот моя командировка, вот паспорт. Милиционера прошел, попал в приемную, ту же историю излагаю.

– Да нет, – говорят, – Вас в списке приглашенных.

Я скандалить начинаю, чтобы погромче было.

– Что вы думаете, – назираю, – я сам, что ли, это выдумал?

Что мне, делать больше нечего?

– Доложите, – кричу, – первому секретарю. В общем, добился я приема. Кабинет большой, столы буквой «Т». Выходит мне навстречу огромный мужчина, глазами меня сверлит.

– Что это Вы, молодой человек, меня добиваетесь, скандалите в приемной, хотя никто Вас не приглашал?

Я ему все, как есть, выложил. Простите, говорю, за обман, но этот вопрос только Вы можете решить...

– Да, – покачал он головой. – Вот есть у нас еще такие областные руководители. Ездят, обещают, руки жмут, а потом ничего не делают! Сколько, -спрашивает, -тебе, сынок, лет?

– Двадцать четыре...

– И уже директор? А что? Правильно! Вот таких молодых, энергичных и нужно на руководящие должности ставить! Тут он снимает трубку:

– Товарищ Толмачев! – голос, что из бочки гудит. – Слушайте меня внимательно. Из приходящей партии вездеходов две машины направьте в Тотьму. Не одну, а две! Тот, слышу, начинает что-то бляеть.

– Вы меня поняли! Я проверю. Все!

Обернулся ко мне: – Вот тебе мой номер телефона. Если опять обманут, звони мне!...

Звонить ему не пришлось. Уже тогда Дрыгина никто не смел послушаться. Действительно, правил он круто. Рассказывают, однажды в кабинете первого секретаря Вашкинского райкома партии раздался ранним утром звонок из об-

кома. Первый секретарь был в отпуске, и на его месте находился второй.

– Как там у тебя с заготовкой кормов?

– Анатолий Семенович? Одну минуту, только возьму сводку.

– Не надо! Вы уже не секретарь!

По мнению Дрыгина, секретарь райкома настолько обязан владеть обстановкой, что подними его ночью с кровати, он должен без запинки ответить – какие в районе надои, сколько заготовлено сена, силоса, сенажа...

Своего преемника Валентина Александровича Купцова Дрыгин приметил еще в 60-годах. Простой сельский парень из деревни Миндюкино после армии трудился грузчиком на металлургическом комбинате. Из Воркуты приходили вагоны с углем, смерзшимся дорогой в монолит. И нужно было отбойным молотком вновь вырубать его. Работа – тяжелей не придумаешь. У Валентина отец, деревенский портной, ставший со временем председателем колхоза, незадолго до своей смерти увидев, как раздевается сын, заплакал. Все тело его было сплошным синяком от отбойного молотка. Но тут же отец и признался:

– За тебя, Валька, я не боюсь. Ты любую дорогу осилишь.

В 1974 году, когда Купцов работал уже вторым секретарем Череповецкого горкома партии, его присмотрели для работы в аппарате ЦК. Присмотрели-то, видимо, задолго до этого. Еще вовремя чехословацкого кризиса. Купцов был

в то время в Чехословакии в качестве посланца череповецких металлургов. Тогда братские страны любили делиться опытом. И, стало быть, он сумел в этой критической ситуации достойно проявить себя...

И вот приглашение на работу в ЦК. Но в Москву Купцову не хотелось. Здесь, на Вологодчине, жизнь кипела ключом: строились и расширялись металлургический комбинат, аммофос, азотно-туковый, подшипниковый, оптико-механический заводы... В деревнях росли птицефабрики и животноводческие комплексы, прокладывались дороги в самые глухие углы...

Не любил Дрыгин отпускать на сторону кадры. Даже в Москву. Он воспитывал у своего окружения чувство особого вологодского патриотизма. Вот и для Купцова Вологодчина оказалась выше карьерных интересов. Перед отъездом в Москву Купцов зашел к Дрыгину.

– Чего не веселый? – спросил Дрыгин.

– Не хочу я в Москву.

– Верю, – поддержал Дрыгин. – Чего там в кабинетах штаны протирать? А у нас вон какие стройки развернуты. И в городе, и в селе. Работать надо. Ты, парень, вот чего сделай. Когда у тебя уже не будет аргументов отказываться, ты скажи просто, что не хочешь работать в ЦК. Так и скажи! А мы тебя здесь в обиду не дадим.

И вот полуторачасовой разговор в Москве с Долгих и Ястребовым. Решены вопросы по квартире, зарплате, определен

круг задач... И вдруг это, ошарашившее больших партийных боссов, признание:

– Я не хочу работать в аппарате ЦК!

Несколько минут в кабинете стояла зловещая тишина. Наконец, Долгих с металлом в голосе проговорил:

– Нам не нужны люди, которые не хотят работать в аппарате ЦК!

Купцов рассказывал, что его после этой встречи, наверное, час бил озноб... Но явных последствий этого возмутительного с партийной позиции поведения в отношении Купцова не последовало. Видимо, Дрыгин сумел там в Москве снять напряжение... Да и перед коллегами своими, а с Ястребовым они были большими друзьями, мог погордиться: «Вот, мол, у меня какие верные и надежные ребята работают!»

Пройдет много лет, и выходец из вологодской деревни Миндюкино Валентин Купцов не страшась, встанет на защиту коммунистической партии в Конституционном суде. И сумеет отстоять ее.

...Рассказывают, что Брежнева он, Дрыгин, Леней называл. Вполне вероятно, что между ними были такие вот товарищеские отношения. Но и то верно, что шапки Анатолий Семенович ни перед кем не ломал, ни перед кем не преклонялся, а упорно гнул свою линию.

Его считали руководителем жестким, авторитарным. Однажды во время заседания бюро обкома один из чиновни-

ков воспротивился назначению на ответственную и тяжелую должность. Дрыгин среагировал мгновенно:

– Есть предложение исключить этого товарища из партии, снять с работы и впредь никаких должностей ему не предлагать.

Проголосовали единогласно. Кто мог воспротивиться воле Дрыгина? Но обиженный чиновник не смог сдержаться.

– Я жаловаться буду! – воскликнул он.

– Жалуйся, – равнодушно уже отвечал Дрыгин. И добавил насмешливо: – Фиделю Кастро...

– Да, он был жестким руководителем, – подтверждает Валентин Александрович Купцов, – но справедливым. И он сумел подобрать по всей области такие кадры и в партийных, и советских органах, которые работали творчески, вдохновенно или по крайней мере ответственно, что позволило уже к середине семидесятых годов вывести область из отстающих в передовые...

Один из руководителей районного партийного звена вспоминает, как поехали они группой на южный курорт в пансионат ЦК КПСС. Понятное дело, расслабились. По паре раз в ресторан сходили, вино, шашлыки... Деньги улетучились быстро.

– И тут приходит перевод на сто рублей, – рассказывал он. – Я даже испугался. Откуда? Может, взятка какая? Штамп смазанный, неясный...

А потом, несколько месяцев спустя, Дрыгин подходит

на пленуме: – Ну, получили переводы-то? Это я вам на папиросы послал, что бы вы у жен денег не просили...

И чувство юмора было свойственно Анатолию Семеновичу.

Никольский таракан

Однажды в одном восточном районе он целый день ездил по животноводческим фермам. И чем больше он ездил, тем мрачней становился. Фермы полуразвалившиеся, навозом заросшие, скот истощен до предела. Какое тут молоко! Районное начальство ни живо, ни мертво молча ходило сзади на приличном расстоянии от секретаря... Наконец, под вечер Дрыгин согласился пообедать. В районной столовой подали ему наваристого борща. Но рядом никто сесть не осмелился. Да Дрыгин и не приглашал, что означало его крайнюю степень недовольства.

– Ну, может, поест, так подobreет, – не теряли еще надежды районные начальники.

Зачерпнул Дрыгин ложкой борща, а в ложке... А в ложке... Надо представить себе реакцию районного начальства... О ужас! В ложке огромный, распластаный таракан... Ложка замерла на полпути, Дрыгин набычился, в столовой воцарилась нехорошая тишина... А Дрыгин вытащил таракана из ложки и положил его рядом. Из-за спин вытолкнули бледного заведующего столовой.

– Мы сейчас, Анатолий Семенович! Мы заменим... – залепетал тот.

– Не надо, – остановил его Дрыгин. – Еще какого лешего мне туда положите!

И выхлебал борщ без остатка.

Вечером, когда самолет скрылся в облаках, начальство облегченно вздохнуло: «Похоже, пронесло!» А спустя месяц на партхозактиве Дрыгин отложил в сторону доклад и обратился в зал: — Был тут недавно на востоке. До чего довели скот, что на ногах не стоит, к балкам пожарными рукавами привязывают! Но зато таких тараканов научились откармливать...

Год за три

Когда начинаешь раздумывать о лидерах нашей сельскохозяйственной деятельности, то в предках их обязательно сыщется крепкий крестьянский корень. И думаешь о неистребимости этого корня. Есть такая пословица: «они закапывали нас в землю, а оказалось, что мы семена...»

Виктор Ардабьев родился в селе Уварово Тамбовской области за два года до начала войны. Деревня утопала в садах, а черноземы родили пшеницу, равной которой в мире не было. У деда было приличное хозяйство: четыре лошади, две мельницы. Однажды к нему пришли сыновья.

Отец Виктора в селе был уважаемым человеком – директор школы. А дядя работал председателем сельсовета.

– Отец, – сказали они. – Пришла разнарядка. Ты первый по списку на раскулачивание. Отдай мельницы и коней в колхоз, иначе вышлют...

Дед не спал всю ночь. Жалко было трудов. Наутро пришел в сельсовет с заявлением в колхоз.

Когда началась война, отца оставили в тылу по брони. Но уже через три месяца он ушел добровольцем на фронт. Враг был уже под Москвой. Мать в то время была беременна пятым. Все, что оставил нам отец, уходя на фронт, – три буханки круглого хлеба. Через три месяца он погиб: пропал без вести. Мать не верила в его гибель, но вынуждена была

променять его кожаное пальто на мешок картошки.

Уже после войны они ездили на места боев, искали хоть какой-то след. Мать ждала: вдруг придет, вдруг постучит в дверь...

Его друг и сослуживец не раз говорил матери:

– Он может придти к тебе только с кладбища, я сам видел в воронке его ноги и сапоги...

Наверное, самым тяжелым и критическим для области временем было лето 1978 года. С весны зарядили дожди и шли с таким упорством, что в души людей начала закрадываться тревога. Эта тревога поселилась и в душе первого секретаря Никольского райкома партии Виктора Ардабьева. Он начал осаждать телефонными звонками председателя облпотребсоюза Сазонова:

– Завезите в район муку как можно раньше!

А потребности в муке были не малые. За год Никольск съедал ее 10 тысяч тонн. Но облпотребсоюз не спешил. Ардабьев звонил снова и снова. Наконец, не выдержав, заявил, что если население района останется без хлеба, то в первую голову отвечать за это придется Сазонову.

Надо сказать, что Сазонов был лучшим другом Анатолия Семеновича. И во всех его поездках по области Сазонов сопровождал Дрыгина. Но угрозы Ардабьева, похоже, возымели действие – облпотребсоюз муку завез в полном объеме, прежде чем пали дороги.

Самые худшие предчувствия оправдались. На область об-

рушилось стихийное бедствие: все лето и осень шли бесконечные дожди. В области было объявлено чрезвычайное положение. На поля можно было выйти только с косою в бродовых сапогах. Комбайны тонули тут же, будь они на резиновом и даже на гусеничном ходу, воинские подразделения выделили для связи с населенными пунктами бронетранспортеры, но и те с великим трудом пробивались по дорогам, превратившимся в сплошные грязевые болота. Все мосты через речки были или снесены или разбиты тяжелой техникой. Молоко с ферм в районы приходилось доставлять вертолетами... Если бы не мука, доставленная во время по деревням, то был бы самый настоящий голод...

Дрыгин каждую уборочную страду облетал или объезжал область. Ездили к утопающим в воде полям, летали к отрезанным от мира бездорожьем деревням. Смотрели строящиеся новые скотные дворы, мастерские, жилые...

Прилетел и в Никольск. Утром, садясь в машину, отдал приказание: «Едем в «Павлова» на фермы!» То есть, в пригородный колхоз имени Павлова. Ардабьев, зная, что Дрыгин на одно ухо глуховат, решительным шепотом поменял маршрут: «Едем в «Искра Ленина!»

Дрыгин сурово молчал, осматривая новые фермы в колхозе. Вечером перед ужином пошли мыть руки. Ардабьев протянул Дрыгину полотенце. Тот вытер руки и бросил ему скомканное полотенце, наливаясь гневом:

– Секретарь! Ты почему нарушил мой приказ? Что ты

скрываешь в Павлова?

– Анатолий Семенович! Там полная разруха. Там старые фермы на пятьдесят голов, там и я-то протискиваюсь с трудом, а вам там и вовсе не пролезть...

– А ты куда смотришь?

– Анатолий Семенович! Я здесь без году неделя. Но две новые, по 200 голов, фермы в имени Павлова уже под крышу подведены.

– Так чего молчал? Поужинаем потом. Поехали...

Новые фермы во многом решали проблемы размещения скота в колхозе имени Павлова. А в колхозе было тогда около шестисот коров. Довольный Дрыгин ужинать сел уже около полуночи.

Прошло четыре года. В очередной приезд Ардабьев вывез Дрыгина на пятикилометровый отрезок дороги на Вологду, построенный партизанскими методами. Шофера называли этот участок «три минуты радости». Дальше шли ямы, ухабы на четырехста в лишнем километров... Надо сказать, что строительство дороги на Никольск чиновники год за годом вычеркивали из титульных списков на финансирование. Не хватало денег. Считалось, что перспективнее вести строительство дороги на Великий Устюг через Нюксеницу. Но в этом случае Бабушкино, Никольск, Кич-Городок оставались отрезанные от мира.

Поэтому никольчане и решились положить начало дороге без всяких на то разрешений. Теперь все зависело от бла-

госклонности Дрыгина. И вот Анатолий Семенович вышел на первый никольский асфальт среди полного бездорожья и долго молчал, что-то обдумывая.

– Почему такая широкая? – спросил, наконец.

– Так, Анатолий Семенович, дорога эта республиканского значения. Уже нельзя!

Дрыгин, ничего не сказав, сел в машину. Это означало, что дороге быть. Что денег для нее он найдет. Если не в Вологде, то в Москве.

...Беспрестанно буксовали в ямах и колдобинах. УАЗик по кабину был залеплен грязью.

– Сколько ты уже тут? – спросил Дрыгин Ардабьева.

– Пятнадцать лет, Анатолий Семенович!

– Ну? – удивился Дрыгин. – Вроде недавно и направляли? – Так у нас здесь, на востоке, в условиях бездорожья год за три считается!

Дрыгин захохотал так, что пришлось останавливать машину. Он вышел, и долго еще его большое могучее тело сотрясалось от хохота: – Вот дают! У нас на фронте год за два шел, а у них – год за три!

Да, многое переменится в сельском хозяйстве Вологодчины. Будут строиться быстрыми темпами внутрихозяйственные дороги, и мелиорация придет на поля, сделав их доступными в самую непогоду, и новые технологии в заготовке сена, сенажа, силоса дадут возможность, невзирая на дожди, обеспечивать скотину полноценными кормами...

...В тот приезд в Никольск вечером было совещание с руководителями близ лежащих районов. Потом было небогатое застолье, в котором языки подразывались.

Неожиданно Сазонов поднялся за столом и стал рассказывать, что и его заслуги в борьбе со стихией немалые. Что он вовремя завез в район десять тысяч тонн муки. Тут прорвало Ардабьева:

– Да чем Вы похваляетесь! Я месяц у вас выбивал эту муку. И я не знаю, чем бы все кончилось, не прояви мы такой настойчивости!

Сазонов растерянно замолчал. Ардабьева всю уже дергали за полы товарищи, шептали в страхе: «Остановись, на кого бочки катишь? Это же лучший друг Дрыгина!». И тут в тишине раздался голос Анатолия Семеновича:

– А ты, Сазонов, ему больше муки не давай!

Разошлись тихо. Дрыгин с Сазоновым ночевали в райкоме. Ардабьев всю ночь не спал, переживал за свою резкость. Видел, что и в комнате у Дрыгина почти не гас огонь. Чуть свет пришел в райком и застал у себя в приемной плачущего Сазонова. Поверженный вид немолодого всесильного чиновника потряс Ардабьева. Он бросился к нему, пытаясь хоть чем-то поддержать, но Сазонов остановил его:

– Оставь, Виктор, я сам виноват. Мы не спали почти всю ночь. Он вломил мне под первое число!

Утром они улетали в Вологду. Дрыгин был хмур и неразговорчив. Сели в самолет. Настроение у провожающих тоже

было не на высоте. Самолет уже выруливал на взлетную полосу, как вдруг остановился. Откинулся трап и... на поле вышел Дрыгин. Он подошел к Ардабьеву и крепко пожал руку:

– Держись, секретарь! Держись!

Дрыгин улетел. Но Ардабьеву казалось, что вместе с самолетом в небо взмыла и его душа.

Не бахваль!

...Однажды Дрыгин пригласил на катер во время отдыха на Сухоне местного председателя колхоза, начальника управления сельского хозяйства и первого секретаря. Увидев у гостей в руках бутылки с коньяком, велел спрятать: «Сегодня вы у меня в гостях...»

Выпили по одной, похлебали ухи, заговорили о сенокосе. Выпили по второй, – к уборке перешли. После третьей на животноводство переключились... Хорошо на реке, тихо. За лесом закат догорает, в приречных кустах птицы поют. Сидят мужики рядом с самим Дрыгиным, коньяк пьют и, можно сказать, на равных беседуют. И тут местного первого, видимо, от восторга души, стало заносить... «Я, говорит, в районе то-то и то сделал, это и вон это поднял...». Да раза три так вот себя приподнял.

На третий раз Дрыгин не сдержался, кулаком в стол бухнул:

– Это чего ты тут разбахвалился! В районе без году неделя, а уже «я да я»... Чужую славу под себя гребешь. Это вот они, – показал Дрыгин на присмиривших председателя с начальником управления, – они что-то для района и сделали. А ты! Пошел вон отсюда!

И выгнал с катера секретаря. А председатель колхоза впоследствии Героем Социалистического Труда станет. ... Все

отмечали в Дрыгине исключительную память. Какое бы застолье ни было, сколько бы ни выпито было, старались контролировать, что бы не сболтнуть при «папе Толе» лишнего. Вот, скажем, занесет какого-нибудь партийного или хозяйственного деятеля за рюмкой, да и брякнет он хмельной, что на следующий год урожай в двадцать центнеров по району соберет. Все. Дрыгин эту информацию уже из головы не выпустит и через год за двадцать центнеров обязательно спросит. Однажды перед началом уборки Дрыгин заехал в Тарногский район, где побывал на полях и самолично определил будущий урожай. В августе на каком-то совещании выступал начальник управления сельского хозяйства из Тарноги Александр Кузнецов. Дрыгин остановил его вопросом:

– А скажите, на таком-то вот поле какова урожайность? Кузнецов ответил.

– Потеряли центнер, – нахмурился Дрыгин. – Опоздали с уборкой. А вот на этом? – и он назвал конкретное поле в одном из колхозов Тарноги. Кузнецов снова ответил.

– А здесь сходится, – удовлетворенно сказал Дрыгин. – Молодцы. А вот это овсяное поле сколько дало?

– Это поле, Анатолий Семенович, еще не убираю. Но центнеров тридцать будет.

Потом Кузнецова коллеги донимали:

– Ты что, на самом деле помнишь урожайность на каждом поле в районе? Ведь полей-то сотни!

– Да я то что? У меня район. А вот он-то как это все в го-

лове держит? Ведь у него – область!

По всем направлениям

Но область была не только аграрной, но и промышленной. Черная металлургия это вам не приготовление торфо-навозных компостов! Вряд ли Анатолий Семенович в таком же совершенстве знал технологию выплавки чугуна и стали...

Рассказывают, что однажды в Череповце он таким образом разрешил затянувшийся конфликт между металлургами и строителями металлургических мощностей. Он запер конфликтующих начальников в пустом кабинете и сказал, что они будут тут сидеть до тех пор, пока не найдут устраивавшее обе стороны решение. Через три часа «узники» позволили и попросились на волю. Конфликт был успешно преодолен.

Надо сказать, что Дрыгин благоволил и писателям. Ведь именно при нем Вологодская писательская организация стала лучшей в стране. В Вологде успешно работали Василий Белов, Виктор Астафьев, Сергей Викулов, Ольга Фокина, Николай Рубцов...

Хотя в отношениях с писателями не все было безоблачно. Александр Яшин, живший в ту пору в Москве и ежегодно приезжавший на родину в Никольск, опубликовал очерк «Вологодская свадьба», который показался чиновникам обидным и оскорбительным. Обиделся ли Дрыгин? Скорее, к этому подталкивали московские чиновники.

Против Яшина началась кампания в газетах, еще более усугубившая конфликт. Ведь по сути дела в очерке Яшина, если читать его сегодняшними глазами, ничего обидного и крамольного нет. Описан быт никольской деревни таким, каким он и был в ту пору. С бездорожьем, отсталостью, пьянством...

И Яшин, и Дрыгин желали никольской деревне добра. Только один пытался помочь ей словом, другой – делом. Теперь, по прошествии лет, ясно, что Дрыгина вряд ли можно упрекнуть в том, что он что-то недоработал, что-то недооценил, в чем-то наделал ошибок. Вся его жизнь была безраздельно отдана созидательному труду. И сделал он чрезвычайно много. Так случилось, что Дрыгин намного пережил Яшина. Но при жизни поэта они так и не выяснили отношений в личной встрече.

А вскоре после смерти Яшина Бобришный Угор и его могила стали местом паломничества любителей поэзии и маститых литераторов, приезжавших сюда со всей России. Дрыгин поддержал проведение ежегодных яшинских чтений в Никольске и ходатайствовал перед издательством об издании трехтомника сочинений Яшина, в котором, кстати, есть и «Вологодская свадьба». Откройте, если не читали ее. Есть над чем поразмыслить...

Депутат Никольщины



...В Москве авторитет его был чрезвычайно высок. Дрыгин был бессменным членом Центрального Комитета КПСС

и депутатом Верховного Совета СССР. В депутаты баллотировался по самому дальнему и проблемному Никольскому округу. В последний раз уже стареющий Дрыгин приехал в Никольск, чтобы отчитаться о проделанной депутатской работе. Зал был полон. Дрыгин называл с трибуны цифры капиталовложений, надоев, привесов, урожайности, и зал заврожено, словно чудесную музыку, слушал эту сухую статистику. Когда Дрыгин закончил доклад, то люди в едином порыве встали и долго аплодировали. Он сел за стол, и мало кто видел, как этот огромный суровый человек пытался украдкой смахнуть слезы, пролившиеся из его глаз...

...Совсем недавно я встречался за чашкой чая с воспитанниками и последователями Анатолия Семеновича Дрыгина, без сомнения талантливыми руководителями вологодского села Михаилом Федоровичем Сычевым и Леонидом Николаевичем Вологдиным.

Михаил Федорович многие годы работал рядом с Дрыгиным, был заведующим сельскохозяйственным отделом обкома КПСС, вторым секретарем по селу. В своих воспоминаниях о Дрыгин он написал следующее: «Анатолий Семенович относился к тому типу людей, в буквальном смысле страдающих любовью к Отечеству, но не приукрашивающих его прошлое и не питающих иллюзий относительно его настоящего, он был постоянно устремлен к достижению лучшего будущего. Его деятельность в этом плане была не только многогранной, но и весьма продуктивной».

– В первую очередь мы стремились развивать экономическую самостоятельность, как ключевую, основополагающую проблему сельского хозяйства, – рассказывал Михаил Федорович. – В деревне нам оставили тяжелое наследие командно-административной системы, как результат коллективизации, индустриализации страны за счет деревни, военного положения.... До 1953 года колхозам и совхозам не только диктовали, что и когда сеять и убирать, но и устанавливали минимальные закупочные цены на сельхозпродукцию. Колхозники же, как известно, вообще не получали за свою работу наличных денег. С ними рассчитывались трудоднями. И только после Сталина в сельском хозяйстве стали внедряться некоторые экономические рычаги.

Если говорить о совершенствовании работы аграрной отрасли, то здесь Анатолий Семенович видел пять приоритетных направлений. Во-первых, максимальное использование экономических рычагов и стимулов для повышения производительности труда. Во-вторых, активное внедрение научных разработок и технологий, передового опыта. В-третьих, непрерывный рост вложений в материальную базу сельского хозяйства, в механизацию, электрификацию, мелиорацию. В-четвертых, массовое строительство на селе. И в-пятых, переход на промышленное ведение сельского хозяйства. Что же касается птицефабрик, то все ныне действующие – в Шексне, Малечкине, Грибкове, Ермакове – были действительно построены в бытность Дрыгина.

Стоит отметить, что развитие промышленного птицеводства и свиноводства на Вологодчине дало толчок и комбикормовой индустрии. Шекснинский комбинат хлебопродуктов – и поныне один из крупнейших на Северо-Западе, стали строить опять-таки при Дрыгине.

В конце 60-х годов производство сельскохозяйственной продукции действительно резко пошло в гору. И когда в 1968 году в стране было принято решение о значительном повышении заработной платы многим категориям трудящихся, запасы продовольствия стали таять. И уже в начале 70-х в области стали возникать некоторые перебои с отдельными видами товаров. Тем не менее, производство мяса, молока, яиц продолжало неуклонно расти. Быстро увеличивалось и среднедушевое потребление основных продуктов (по многим показателям оно превосходит нынешний уровень!). Но значительную часть своей сельскохозяйственной продукции область была вынуждена направлять в Москву, Ленинград, Мурманск, Архангельск и другие северные регионы.

...Трудовой путь Леонида Николаевича начался в 1959 году в племсовхозе «Красный Север» Великоустюгского района. Там он вырос от зоотехника фермы до директора. В 1963 году переведен в областное управление сельского хозяйства, где прошел путь от начальника планово-экономического отдела до первого заместителя начальника управления. С 1968 по 1975 год работал директором треста

«Свинопром». В 1975 избран и по 1988 работал заместителем, первым заместителем председателя облисполкома, а с 1988 по 1990 год – председателем облисполкома.

Леонид Николаевич включился в наш разговор:

– Под началом Дрыгина развернулась работа по специализации и концентрации производства, переводу животноводства на промышленную основу. Сначала наше птицеводство вышло в число лидеров. Потом за 7 лет построили крупные свинофабрики. Отрасль нормально заработала, и Вологодчина попала в первую четверку свиноводческих областей. Была разработана специализация всех районов, и каждый руководитель хозяйства точно знал: когда и что у него будет строиться.

Буквально в считанные годы мы создали систему семеноводства, построили семенные станции, организовали семеноводческие совхозы. Одновременно занялись повышением плодородия земель. При каждом крупном животноводческом комплексе, при каждой птицефабрике были построены площадки компостирования. Добились огромных объемов заготовки торфа. Не забывали и о минеральных удобрениях, которые вносили согласно анализу почв. Это была стройная система по всей области, по каждому району и хозяйству. Урожай росли. А появилось в достатке корма – пошло в гору животноводство.

К 1985 году потребление мяса на Вологодчине было доведено до 66 килограммов в год в среднем на каждого жителя.

Все близлежащие области больше 50 килограммов не имели. По потреблению мяса, молока мы были в первой тройке по России, по яйцу – на втором месте. При этом очень много продукции мы поставляли в союзный и республиканский фонд: молока, например, отправляли ровно половину.

Я как-то был на совещании в союзном Госплане и услышал там фразу, которая меня развеселила: союзный фонд, мол, формируют Россия, Белоруссия и Вологодская область. Вот это и был результат огромной работы, которая проводилась командой Дрыгина. А вот обстановка с сельскими кадрами массовых профессий была очень тяжелой. Люди убегали из деревни. И только после 1975 года с внедрением новых технологий, облегчавших работу на селе, парни и девушки начали оставаться дома. Основная ставка делалась на создание хороших социальных условий, чтобы закрепить там людей, которые еще оставались. И даже в отдаленных хозяйствах начинали строить жилье, дома культуры, школы, детские сады. Активно развивал свою базу облпотребсоюз, велось строительство торгово-культурных центров, райпищекомбинатов. В каждом районе создавались ПМК «Межколхоздорстроя», которые были оснащены одним-двумя асфальтовыми заводами.

Дрыгин, думая о будущем, поставил перед аграрниками задачу: довести производство молока до 1 миллиона тонн, мяса – до 120—130 тысяч тонн в год. Он понимал, что в союзный фонд область все равно вынуждена будет поставлять

продукты, и чтобы на месте их оставалось больше, нужно было увеличить производство. И мы шаг за шагом шли к тому, чтобы обеспечить область всем необходимым в полном достатке, в том числе – свежими овощами. К этому можно добавить еще некоторые цифры и факты, которые сегодня могут показаться фантастическими: в области была создана мощная материально-техническая база строителей, мелиораторов, дорожников, позволяющая ежегодно вводить в эксплуатацию до 850 тысяч квадратных метров жилья, причем, только на селе до 350 тысяч; до 7—8 тысяч ученических мест в школах, до 1000 коек в больничных учреждениях, до 4000 мест клубов и домов культуры, до 14 тысяч гектаров мелиоративных и 40 тысяч культурно-технических земель, более 1000 километров автодорог с твердым покрытием.

Уйдя в отставку, он уехал с семьей в Москву. Но злая болезнь скоро привела его на больничную койку. Михаил Федорович Сычев, секретарь по селу Вологодского обкома КПСС, ученик Дрыгина посетил своего начальника незадолго до смерти.

От Дрыгина осталась половина. Но ум был ясным. Наступающую смерть он встречал бесстрашно. Был уже конец восьмидесятых.

– Боюсь я, Миша, только одного. Все что мы делали, они разрушат. Разрушат...

Если бы не предательство в высших эшелонах власти, переведших стрелки и направивших наш состав в тупик, где бы

мы сейчас были! По крайней мере, с учетом прежнего жилого фонда, не только бы каждая семья, но и каждый человек имел собственную квартиру, не говоря уже о том, что деревенские наши ландшафты радовали сердце каждого, кто бы ни взирал на них...

Горбунов тот, кто гармонизирует деревню

Наша встреча началась с гармонии. Поразителен все-таки феномен неистребимого русского крестьянина, воскрешающегося, как птица Феникс из пепла.

Вот так и Горбунов. Внук раскулаченных крестьян, сын заместителя председателя крупнейшего колхоза и секретаря парткома, неугодный глава района ельцинских времен, собиратель деревень. Сегодня на него смотрят с надеждой не только большинство жителей района, но многие вологжане, жаждающие возвращения северной деревни к жизни.

У Горбунова в гостинице, в комнате, где столуются проживающие, есть потаенный шкаф, в котором стоит не посуда, не собрание вин, а настоящая коллекция гармошек 25 на 25 и даже одна тальянка местного мастера Павлова. Горбунов извлек из шкафа самую новую, сверкающую лаком нижегородскую.

– Долгонько я искал эту гармошку. Под себя.

Горбунов заиграл, и я весь превратился в слух. Это были традиционные никольские наигрыши. Наигрыши, ни с чем не сравнимые, которые несли в себе какие-то неведомые глубины, отчего душа твоя начинала трепетать и волноваться, погружаясь в древность, незнакомую и в то же время родную,

призывную... Слушать эти переборы, радостные и печальные одновременно, отчаянные и смиренные, полные любовного призыва и отвергнутой любви... слушать их можно было бесконечно. Эта музыка, рожденная на этих седых Увалах, отшлифованная и обогащенная многими поколениями гармонистов из народа, также стала великим народным достоянием, которое должно всемерно оберегать...

Наконец, Горбунов отложил гармонь:

– Мне часто рассказывали старики да мои родители, что иногда было так тяжело, что казалось – не выживем. И знаешь, что спасало? Гармонь! Вот она – гармонь! У меня отец был знатным гармонистом. Без него ни один праздник, ни одна свадьба не обходилась. И я с малолетства начал гармонь растягивать. И пошло, получилось.

Бывало, прибегут к отцу: гармонист нужен. А у отца забот полон рот: работал секретарем парткома огромного хозяйства, уставал. До свадеб ли тут? «Вон, говорит, забирайте Генашку. Он вам поиграет». Так я еще в школу не ходил, а по гулянкам находился. Посадят на стул, стул на стол:

– Играй, Генаха.

Вот и играю. Без гармошки – какой праздник? Бабы и губы мне пивом помажут... Не хватало в деревне мужиков и тогда, и сейчас.

У меня гармошек штук пять. Последнюю мы с Николаем Васильевичем Рыковановым купили уже в Новгородской области. Ручной работы. Сто тысяч отдал сразу. Вынесли

по звонку на остановку Она, может, не один миллион стоит. Потому что мне без гармонии никак. Порой так устанешь, что хоть реви, а надо собраться, нужны силы. Вот беру гармонию и начинаю играть. До тех пор играю, пока до самого нутра не доберусь, зацеплю, выиграю все, и сразу – камень с души. Хочется снова работать, творить, жить на полную катушку...

Жалко гармонию. Молодежь вон, самостоятельно не хочет ни играть, ни петь. Чистое потребительство. —

И Горбунов вновь заиграл свои, местные никольские наигрыши. Древние созвучия и ритмы в бесконечном своем звучании снова цепляли душу, заставляли ее страдать и радоваться, взлетать и падать...

Вот она, настоящая народная культура, сохраняемая и производимая народом на своей земле в трудах и радостях.

– Испокон веков в Никольском районе направление было сельскохозяйственное. То есть, основа основ – это сельское хозяйство, – рассказывал Горбунов. – В советское время 24 колхоза было во всех уголках, и все было завязано вот на эти колхозы. И социальная сфера, и образование, и дороги... Под крылом колхозов жили бабушки и дедушки. Им и сено привезут, им и дрова привезут, им продукты доставят. Если «прижало» – в больницу свезут, и в последний путь проводят.

Я начинал работать водителем. Так мы неделю в Вологду едем, неделю обратно.

Не было дороги ни на Великий Устюг, ни на Вологду и не было дороги на Шарью, на железнодорожную станцию. В Шарью 150—160 километров от Никольска ходили пешком. Надо неделю идти, надо и провизию с собой нести. Не одну пару лаптей. И это в наше время. В семидесятых...

– Туда-то уйдешь, а обратно-то как выйти-то? Надо ночевать где-то. А ночевали в деревнях по дороге.

– Летом каждый кустик ночевать пустит...

– Нет, только в деревнях. Здесь места лесные, и зверя было много, и поэтому в лесу старались не ночевать.

И вот всего лишь в 99-м году пустили асфальтированную дорогу на Шарью. Сейчас в Шарью с обеда уехал, а к вечеру домой приехал. А уж если с утра уехал, так наработаешься там сколько надо.

А Шарья – это узловая железнодорожная станция все же. Все через железную дорогу.

– Я в небольшой деревне рос и вырос. И видел, насколько сплоченна деревня, насколько она дружно жила, общиной. И, если кто-то варил пиво, то вся деревня у него гостилась. И было заведено негласное правило: ты должен вести себя выдержанно, скромно, там кривого личика не покажешь, там никто тебе не позволит питуху испортить. А если ты где-то пошалил, да испортил общую гулянку, считай, тебя уже больше никуда не допустят.

И там никто не командовал, там негласные правила были, и которые люди постарше, они это отслеживали и четко вели.

Никому не было позволено хулиганить и озоровать. И поэтому собирались, общались и заряжались у этих пивов. А вот самогонки не было, водки не было, пили только это пиво.

Ну, и пироги, грибы, все самое простое было на столе. Ну, может, к этому пиву барана зарезали, овцу, курицу... Бывало теленочка кто-то... Ну, и готовили по-настоящему, похорошему... пиво это, не считаясь со временем, вкусное готовили.

И кроме веселья ничего на этом празднике не было! Напиваться, не напивались. И ведь в то время у всех было полно дел. Женщины и мужчины все работали около ферм или на фермах: кто – телятницей, кто – свиаркой, кто – дояркой, кто – кормачем, кто – сторожем, и никто не сорвал никогда ни одну работу. Не было такого, чтобы кто-то не пришел и не обрядился. Или не подоил, или не накормил.

Даже исключений таких не было! Оставят стол, сходят обрядятся, тут же переодеваются, и снова идут к пиву, и снова веселятся!

И вот, если зарядились они, погуляли, отдохнули, так они до следующего праздника этим жили. А как красиво это все было! А как пели в несколько голосов! А как плясали! Мужики все в форситовых... тогда называли форситовыми яловые сапоги «гармошкой».

Пивоварение – это настоящее творчество. Ведь у каждого пивовара пиво совершенно разное было. Даже из одного солода не сварить одинакового пива. Поэтому, это действи-

тельно было творчество. В нашем краю хорошо варили пиво. Очень такие вкусные были пива. Но у нас не баловались, не разводили это пиво.

Бывает, что кто-то самогоночку еще туда добавит, кто-то водочки, чтобы забористой было. А у нас чистое пиво пили. А чистое пиво – это действительно здоровье. Это здоровье было.

– Геннадий Александрович, а что ты бы хотел взять в нынешний день и в будущий из той деревни?

– Очень много с того времени мне бы хотелось перенести. Самое главное, самое незабываемое – взаимоотношения между людьми были настолько доброжелательными, настолько уважительными, настолько открытыми, что при этом уважении легко работалось.

И ведь работали-то вот от зари до зари. Никаких ни отпусков, ни выходных не знали. Жили очень весело, жили очень дружно. И от этого и уставать-то не уставали. Вот, скажем, картошку сажают в деревне, так не одна семья сажит, а собираются три-четыре семьи, и за час-два все справят, после обеда – все к соседям. За два-три дня всю огородную страду и справят. Все красиво, все улыбаются, все веселые.

А ребяташкам-то как весело на этих помочах! С нами считались, как со взрослыми. Мы были полноценными членами этой трудовой артели.

Вот у меня друг есть в деревне Корепино в стороне от дорог, Корепин Владимир Васильевич. У него три сына. И я

видел, как эти ребята растут... Они не только на лошади, они не только с коровой обращаться умеют, с телятком, с овцами, с гусями, они абсолютно все могут. Они на любой трактор садятся с малых лет. Хоть на гусеничный, хоть на МТЗ, хоть на Т-25... Они сели и поехали. Делать работу.

Представляете? Пятиклассник, с ружьем идет на охоту и добывает зверя...

Я по всей ночи на тракторе без кабины МТЗ-2, по всей ночи боронил малолеткой. А какое это было счастье для меня – это верх был! Что мне, пятикласснику, доверили трактор! Одному! И никто меня не контролирует!

Я считаю, что деревня должна жить полноценной гармоничной жизнью, в согласии с отцовскими и дедовскими традициями. На основе артельности, общинности. И считаю, что без деревни полноценного гармоничного государства быть не может.

День кипучий



Осень. Поля пустые. Хлеб убран полностью, высушен, положен в закрома. Но дел у Горбунова не убывает. С утра мобильник генерального директора раскаляется.

– Как там у тебя со вторыми укусами трав? – звонит озабоченный чиновник.

Ему, чиновнику, эта цифра «позарез» нужна. Зачем, не понятно. Власть давно уже напоминает ветряную мельницу на холостом ходу. Жернова не крутятся, зерно не мелется, да и нет этого зерна. Но сама фигура мельницы с натруженным скрипом оси, маханием крыльев создает впечатление...

– С первого укуса мало взяли, и второй укус ни хрена не нарос, – отчитывается Горбунов.

На другом конце мобильной связи слышимость не важная... Приходится повторять:

– Дорогой товарищ, у меня не важный второй укус, но, по крайней мере, убираем. Немножко осталось, но погода, осень совсем нас забила. Погода не дает хорошо работать. Не хватает и шоферов, человек пять не хватает.

– Поднажмите, – рекомендует товарищ из трубки.

– Хорошо.

– А Вы в курсе, что Вы должны выступать на заседании регионального совета в Вологде? Ваша явка обязательна! Горбунов, не отвечая, выключает телефон.

– Не поеду! – говорит он мне. И повторяет: – Не поеду.

Эта болтовня уже достала. Столько дел...

Едем на производственную территорию. Недавно Горбунов выкупил пропадавшую базу «Сельхозтехники». Это солидное длинное здание силикатного кирпича с провалившейся крышей. Еще вчера Горбунов бегал по этой крыше с молотком в руках, воодушевляя своим примером работников. Сегодня большая часть крыши уже была закрыта профнастилом.

– Все абсолютно переделываем, – говорил он мне довольно. – Все абсолютно переделываем. И благоустройство – плитами выстлать кое-где начинаем. Часть-то положили, для проезда. Это здание предпринимателю было продано, сейчас

я у него выкупил.

Сейчас наше... Будет куда технику прибрать. У нас основная техника в возрасте по 20—25—30 лет. Правда, у меня два комбайна есть, хорошо я сей год выскочил по зерновым-то. По 19 центнеров взяли в амбарном весе. Это для нас очень хороший результат. Так вот новый один купил за 12 с половиной миллионов. У него проходимость! Мало ли, дожди затяжные случатся, он намного лучше других комбайнов ходит. Он сбалансирован хорошо.

...Производственная база напоминала муравейник. Люди, как заведенные, сновали по территории туда-сюда. Давно уже не приходилось видеть в деревне такой слаженной, дружной работы.

– Вот этот гараж был весь раздолблен, – показывал Горбунов не без гордости. – Полностью крышу сменил, и еще 10 метров пристройки сделал. Чтобы все комбайны, все сельхозмашины запихать сюда. На следующий год сюда пристрою еще 9—10 метров, ну, если не хватит – и сюда еще выдвинусь. Чтобы все было под замком. По-другому нельзя.

Пошли дальше.

– Вон видите, у меня заместитель в кепочке ходит, тоже уж скоро на пенсию. Когда я пришел в колхоз первый раз, он трактористом работал. До меня работал. Ему на кардан руку намотало. Изуродовало.

И вот, я поставил его бригадиром. У него всего восемь классов образование, но он соображает хорошо, и руководи-

тель настоящий. Где зашьются-запорются, я туда его ставлю, на этот участок. Он поднимет этот уголок, я в другой уголок его запихиваю.

Вот так потихонечку все до ума и доведет...

– Все по принципу вашей матери: главное не ум, а толк...

– Точно так. В мастерской беда была сплошная. Ну, сейчас ворота сделали, часть их закрыли, все окна отремонтировали и наверху, и по низу. И вот видите, сейчас мастерская какая? А была – вообще беда. Предприниматели поставили пилорамы, и все разрушили. А сейчас вот все подделали. Все тут устроили.

– Все, Василий Саныч, молодец! – похвалил Горбунов своего зама. – А теперь посмотри, там шифер есть хороший. Часть шифера хорошего Жукову дай на Кожаево. Да по две пачки в Коныгино... Да досмотри, в Коныгино-то двете и надо ли?

Василий уехал.

– Я его сейчас назначил заместителем «по производству»: все, что я не успеваю – это твое. Я не успеваю – значит, ты не успеваешь.

А вот это у меня старший брат, Сан Саныч. Он механик по автотранспорту. Ему уже 67 лет, а он все еще работает. Инфаркт был на работе. А почему? Когда механиком работал, больно рано «на рюмку сел». И полжизни пил безбожно.

Вот я сейчас и говорю: «Сколько ты пропил, сейчас на пенсии отработаешь...». Так он бегом бегаёт. Кому охота

на пенсии ворон считать?

...Следующим объектом был сияющий белеными стенами маслозавод. Его тоже в свое время выкупил у нерадивых хозяев Горбунов. Сейчас это образцовое производство.

– Где-то 60 человек здесь работает.

– Хорошая работа. При масле и сливках, – сказал я.

– Работа хорошая, но не из простых. Здесь сидишь, как на пороховой бочке. Я, пока маслозавод не наш был, я считал, что это производство проще, чем сельское хозяйство. С одной стороны и проще, но что сложностей здесь много, это поймешь только тогда, когда окунешься в производство.

Тут... тоже сельское хозяйство. Да, если там в течение часа, допустим, можно делать, здесь надо минутой. В противном случае все мимо убежит. А потому я и управление разместил здесь же. На производстве. У нас как принято? Баня, а через дорогу – раздевалка. Уносят как можно дальше контору от производства. Чтобы не видеть, не расстраиваться. А все должно быть на глазах.

Маслозавод поражал чистотой, новизной и современным оборудованием.

– Потолки и стены выкидывали, полы выкидывали, канализацию всю меняли на новую – непросто быть хозяином. Но зато теперь можем и погордиться. Наше масло, по отзывам, лучшее. Мы его горячим фасуем в контейнеры. Это новшество. Вот новая автоматика, новый автомат. И в итоге в качестве выигрываем значительно, – воодушевленно пове-

дал Горбунов.

Я думаю, здесь нужно сделать отступление и рассказать вам, что такое вологодское масло.

...Знаете ли вы, что такое наши заливные луга? Это тот же настоящий космос! Представь, что где-нибудь на лесной полянке за десятки километров от большой реки вырастает под солнцем былинка, цветочек аленький. Уронит он после Петрова дня семена свои на землю, а потом выюги и метели укроют его, а по весне, как растопит снега солнце, подхватит семена эти быстрый ручеек, понесет к ручью большому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.